

Раздел III. ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ И ФОРМЫ ВЕРБАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

УДК 81'23:811.161.1 '38

ББК Ш141.12-55+Ш141.12-51

Т. И. СТЕКSOVA

SPIN-код: 3836-9126

steksovs@inbox.ru

Ю. В. КРЫЛОВ

SPIN-код: 9208-7759

filin1402@gmail.com

г. Новосибирск, Россия

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СПОСОБ ДИСКРЕДИТАЦИИ НАРУШЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ НОРМ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме реакции на нарушение языковых норм. Отмечается, что нарушение норм может быть намеренным (эрратив) и ненамеренным. Намеренное нарушение может быть обусловлено созданием «своего» языка какого-либо сообщества (жаргон падонков), а также стремлением к созданию комического или в педагогических учебных целях. В статье же предметом анализа стало намеренное нарушение языковых норм как способ дискредитирующей реакции на ненамеренные ошибки в интернет-высказываниях коммуникантов. Авторы статьи выявляют типы ошибок, на которые реагируют комментаторы,

отмечают, что не любое нарушение нормы становится стимулом креативной реакции. Анализируются приемы, которые коммуниканты используют для «мягкой» дискредитации нарушения языковой нормы и создания комического эффекта. Делается вывод о том, что авторами подобных реакций являются языковые личности, обладающие параметрами лингвистической креативности.

Ключевые слова: русский язык, нарушения норм русского языка, языковые нормы, языковая игра, лингвокреативность, Интернет, интернет-пространство, интернет-коммуникации, интернет-пользователи, интернет-тексты интернет-дискурса.

T. I. Steksova

Novosibirsk, Russia

Yu. V. Krylov

Novosibirsk, Russia

LANGUAGE GAME AS A WAY TO DISCREDIT VIOLATION OF LANGUAGE REGULATIONS IN INTERNET COMMUNICATIONS

Abstract. The article is devoted to the problem of reaction to the violation of language norms. It is noted that violation of the norms can be intentional (errative) and unintentional. Deliberate violation may be due to the creation of "their" language of a community (slang), as well as the desire to create a comic or for pedagogical educational purposes. In the article, the subject of analysis was the intentional violation of language norms as a way of a discrediting reaction to unintentional errors in the Internet statements of communicants. The authors of the article identify the types of errors that commentators react to, note that not any violation of the norm becomes a stimulus for a creative reaction. The techniques that communicants use to "soft" discredit the violation of the language norm and create a comic effect are analyzed. It is concluded that the authors of such reactions are linguistic personalities with the parameters of linguistic creativity.

Keywords: Russian language, violation of the norms of the Russian language, language game, creativity.

Стексова Татьяна Ивановна

доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания, Новосибирский государственный педагогический университет; 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская 28; steksova@inbox.ru

Steksova Tatyana Ivanovna

Doctor of Philology, Professor of the Department of modern Russian language and methods of teaching it, Novosibirsk State Pedagogical University; 630126, Novosibirsk, st. Vilyuiskaya 28; steksova@inbox.ru

Крылов Юрий Владимирович – кандидат

филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики его преподавания. Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия).

Адрес: Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28

E-mail: filin1402@gmail.com

Krylov Yury

Vladimirovitch – Ph.D. of Philological Sciences, assistant professor at the Department of Modern Russian Language and Teaching Methods. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Нарушение норм русского правописания – весьма частое явление в интернет-среде. Лингвисты еще в начале века обратили внимание на сознательное, намеренное искажение правописания, которое терминологически обозначили как

- **э́рратив** (от лат. *errare* в значении «ошибаться») или **какогра́фия** (от др.-греч. *κακός* – плохой и *γράφω* – пишу) – слово или выражение, подвергнутое умышленному искажению носителем языка, владеющим литературной нормой, для придания особого эффекта;

- **жаргон падонков** («падонкаффский», «олбанский» *йезыг, йАзЫг пАдОнКаФф*) — распространившийся с 2000-х годов.

Жаргон падонков формируется в Рунете в начале двухтысячных годов. В основе этого языка лежат несколько приемов, намеренно искажающих правописания слов: «падонкаф», «жывотнае», «узбагойся», «ржунимагу» и прочее.

Отсутствие пробелов, замена морфологического принципа написания на фонетический (замена звонких конечных согласных на глухие, замена гласных букв в слабой позиции И/Ы, О/А) и прочее.

Было отмечено, что сферой функционирования подобного написания были комментарии в блогах, чатах и веб-форумах. Предпринимались попытки выявить коммуникативные цели использования искаженного написания. Так, по мнению Г.Ч. Гусейнова, эрративы, возникшие в сфере сетевых журналов, изначально реализуют интенцию говорящего специализировать речь определенной группы интернет-пользователей, это язык «для своих», понимаемый и принимаемый только членами сообщества [Гусейнов 2005].

По наблюдениям М. Кронгауза [Кронгауз 2013], данный стиль формируется как способ проявления творческого начала у пользователей сети. В начале века русскоязычное сообщество интернета осваивает новую коммуникативную ситуацию, пространство общения, в котором любой человек является не только читателем, но и автором, комментатором. В результате язык падонков оказывается способом проявить креативность. И «разрушение» в первую очередь происходит на самом косном уровне языка – на уровне орфографии, т.е. там, где до сих пор невозможно было творчество и даже просто отступление от правил.

К концу первого десятилетия двухтысячных язык падонков уходит на периферию и постепенно исчезает из актуального дискурса. Это связано, как минимум, с тремя причинами.

Во-первых, интернет становится более доступным и получает широчайшее распространение. Пользователи второго десятилетия века – это уже не только представители IT-сферы или просто хорошо образованная молодежь. В результате языковые шутки перестают быть понятными для большинства интернет-пользователей.

Во-вторых, интернет становится более скоростным, что позволяет носителям активнее использовать мультимедийный контент: картинки, анимацию, звук. В результате шутка,

языковая игра уже не ограничивается работой только со словом или с текстом.

В-третьих, интернет-дискурс постепенно более формализуется и формируется как значимый элемент коммуникации: веб-страница, электронная почта, страничка в социальных сетях – все это становится уже не просто личными текстами частных лиц, но превращаются в необходимый элемент бизнес-коммуникации. В результате различные языковые шутки в тексте начинают восприниматься именно как ошибки.

Таким образом, можно согласиться с выводами М. Кронгауза и констатировать, что намеренное искажение русской орфографии в Рунете, характерное для начала тысячелетия теперь воспринимается чаще как ошибка или описка, что само по себе может становиться объектом иронии.

Другие исследователи обратили внимание на то, что искаженное написание используется для создания комического, как в стихотворении А. Иванова:

*В худой котомк поклав ржаное хлебо,
Я ухожу туда, где птичья звон,
И вижу над собою синий небо,
Лохматый облак и широкий крон.
Я дома здесь, я здесь пришел не в гости,
Снимаю кепк, надетый набекрень.
Веселый птичк, помахивая хвостик,
Насвистывает мой стихотворень.
Зеленый травк ложится пол ногами,
И сам к бумаге тянется рука,
И я шепчу дрожащими губами:
«Велик могучим русский языка!»
Вот кто живет в шкафу.*

В детской литературе используется в педагогических целях, как в стихотворении А. Шибаяева «Грустные вести».

*Пришло письмишко мне,
Гляжу – из лагеря от Мишки:
Здесь чудный лук и я лижу,-
Написано в письмишке.*

Лук лижет? Что за чудеса? –

Наверно, шутит плут.

Читаю дальше:

Здесь лиса, красивый длинный прут.

Вчера в лису нашел я грусть

И очень был доволен..

- Нет, нет, не шутит он,

Боюсь, мой друг серьезно болен!

Вернется, надо подлечить –

Заставить правила учить.

Еще в 70-х гг. 20в. Б.Ю. Норман опубликовал в газете для детей «Ленинские искры» стихотворение с заданием найти все неправильности в грамматическом роде:

Слыхали эту новость?

У нас в шкафу живет

Тот, кто люблю овощь,

Любой продукт съеет.

Он яблок, помидору

И всю картофель съест,

Баранок без разбора

Умнет в один присест.

Прожорлив как собака,

Тот, кто в шкафу живет:

Пропала тюль и тапок

И туфель на меху.

Он съел жилету кунью

И дедовских папах,

Персолью и шампунью

Который весь пропах.

Тот, кто ж ту путь проделал

Из шкафа в антресоль?

Мышь ненасытный, где он?

Где он, огромный моль?

Вы скажите: не верим!

Чтоб все пустить в труху?

...Но есть обжора – Время-

Эти и подобные им стихи привлекают внимание к нарушению норм орфографии, неверному определению рода существительных, явлению омонимии, т.е. основаны на нарушении норм русского языка. Встречаются и тексты, в основе которых – словотворчество, создание новых слов, как у Н. Кончаловской:

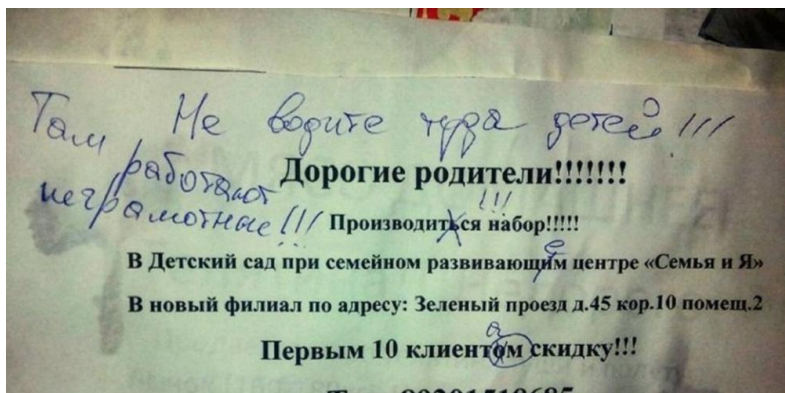
*Показал садовод
Нам такой огород,
Где на грядках, засеянных густо,
ОГУРБУЗЫ росли,
ПОМИДЫНИ росли,
РЕДИСВЕКЛА, ЧЕСЛУК и РЕПУСТА.
СЕЛЬДЕРОШЕК поспел,
И МОРКОФЕЛЬ дозрел.
Стал уже осытаться СПАРЖОВНИК,
А таких БАКЛАЧКОВ,
Да мохнатых стручков
Испугался бы каждый садовник.*

Но важно отметить, что наряду с намеренным искажением норм правописания в современных интернет-текстах встречается огромное количество орфографических, пунктуационных, грамматических и стилистических ошибок, причем авторы текстов не всегда осознают это. Лингвисты видят за этим не только безграмотность коммуникантов, но и определенные динамические процессы в языке, происходящие в современный период [Басалаева, Ружа, Шпильман 2016; Басалаева, Шпильман 2015; Норман 2023].

Нам же интересно проанализировать речевую реакцию коммуникантов на непреднамеренное нарушение языковых норм русского языка авторами интернет-сообщений. Для проведения данного исследования было собрано более трехсот контекстов с примерами реакций на нарушение норм правописания. Контексты выбирались как методом сплошной выборки, так и с использованием соответствующих хештегов (#орфография, #грамматика, #русский язык, #ошибки). Источником контекстов послужили личные переписки в мессенджерах Ватсап и Телеграм, переписки в социальной

сети Вконтакте, а также развлекательные сайты uaplakal.com, pikabu.ru, cinichka.ru.

Указания на ошибочное написание встречаются довольно часто в интернет-сообщениях. В одних случаях адресаты просто исправляют ошибки, в других дополняют советом проявить не только вербальную реакцию:

Надо признать, что современным интернет-сообществом замечания о безграмотности не приветствуются:

- *Рассказ отличный, но есть опечатка. Надо: «Если вы ищете, кто послал мальчика...».*

При том, что автор этого комментария выбрал слово *опечатка* вместо *ошибка*, т.е. снизил категоричность замечания, оно вызвало негативную реакцию:

- *это не столь важно, не на уроке правописания.*

Подобные реакции позволяют сделать логичный вывод, что, по мнению некоторых интернет-пользователей, интернет-коммуникация не обязана соблюдать правила орфографии и пунктуации, а замечать ошибки некорректно и даже неприлично. Грамотные люди испытывают некоторый дискомфорт от чтения неграмотного текста, но вынуждены при этом извиняться за свою грамотность:

...хорошо написано, легко. Немного не хватило редактуры. Совсем немного. Не буду уточнять. Оставлю любителям

ошибки «мусолить» и нравочения раздавать налево и направо)))

- когда интересно читать рассказы, вижу грамматические ошибки, но отношусь к ним, как к опечатке.

Некоторые даже пытаются иронизировать по поводу похвалы грамотности:

- Иногда так и делают, все люди одинаково мудаки, пол тут ни при чем.

- Божечки, впервые вижу, что кто-то написал «ни при чем» правильно.

- Вообще спасибо. Не люблю хвастаться, но я олимпиядник по рускому.

В целом же ошибка в сети стала восприниматься амбивалентно: либо именно как ошибка, признак неграмотности, неаккуратности, либо как элемент творчества, способ реакции на безграмотность собеседника.

Таким образом, можно выделить первый способ реакции на ошибки - это отношение к ошибкам как к опечаткам классическим или возникшим в результате автозамены “умной клавиатуры”. Адресат проявляет толерантность, снижает категоричность своего комментария и ошибку безоговорочно считает опечаткой.

Другой тип реакций на ошибочное написание – **намеренное нарушение правил правописания** в комментарии-реакции. Такие комментарии и являются предметом нашего исследования. Как представляется, коммуникативной интенцией подобных реплик-реакций является дискредитация безграмотности, но не за счет прямого указания на ошибку, явного менторства, а путем **креативного привлечения внимания** к ошибкам. В связи с этим возникает два основных вопроса: на какие типы ошибок реагируют комментаторы и какие приемы они используют для создания комического эффекта?

Ошибки и опечатки в сетевом общении представлены довольно широко и относительно разнообразно. При этом некоторые из них настолько частотны, что сами по себе превратились в мемы. Например:

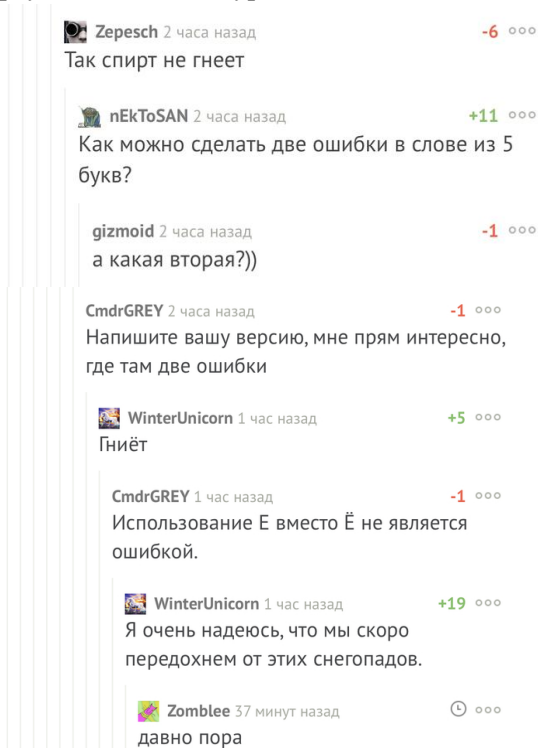

В данном случае реакция на непонятный адресату набор иероглифов должна привлечь внимание исследователя сразу по двум причинам. Во-первых, это отсылка к одной из самых распространенных ошибок в сетевом общении: неразличение личных форм глагола и инфинитива (ТСЯ-ТЬСЯ). Ошибка настолько частая, что адресат как бы намекает на ее глобализм и возможность ее выделения в любом диалоге. Во-вторых, как уже было отмечено выше, прямое указание на ошибки и опечатки собеседника в сети зачастую воспринимаются негативно, как перевод вектора разговора с сути на личные качества адресанта.

Чтобы определить круг ошибок, привлекающих внимание комментаторов, вызывающих реакцию читателей, необходимо задать параметры этих ошибок, определить основание для возможности систематизации ошибок. Возможной основой такого подхода может стать система орфографических норм и “соответствующие им орфографические правила, которые подразделяются на три большие группы: (1) буквенный состав слов; (2) слитное, раздельное и дефисное написание (сюда же можно отнести правила употребления апострофа); (3) употребление прописных букв” [Шмелев 2020, с.46]. Анализ

языкового материала показал, что подавляющее большинство ошибок, вызывающих ответную реакцию, связаны с первым и вторым пунктами: слитное или раздельное написание слов и выбор буквы в слабой позиции. При этом часть примеров не вписывается в данную систему:

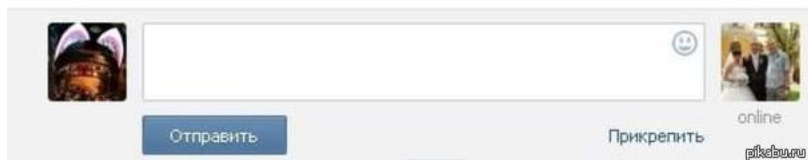
1. Игнорирование буквы Ё (реже - Й). Как правило, это связано с тем, что данная буква не получила отдельной клавиши в виртуальной клавиатуре.

2. Нарушение грамматического строя высказывания (пренебрежение знаками препинания, разрушение строя предложения)

 Паша 17:11:45
привет чо в больнице лежала упала

 Оксана 17:14:26
привет колбаса тюлень с бородой спасибо же

3. Написание числительных (как правило, порядковых) в виде “кентавров” - сочетания цифры и аффикса.

У родителей 2ды горел балкон

Я думал, меня уже не удивить никакой креативной орфографией, но «2ды», которое нужно разгадывать, как ребус... Снимаю шляпу

3. Опечатки, технические замены букв или слов “умной клавиатурой”

Sashko Gas

Один эпидот на всю страну?...скучененько как-то 😞

сегодня в 16:20 Ответить

Александр Филипчик Sashko

Sashko, эпидот это химический элемент какой-то?

сегодня в 21:46 Ответить

Таким образом, выстраивая систему сообщений-стимулов, вызывающих ответную креативную реакцию, можно предложить многоуровневую модель:

1. Опечатки
  - a. Автозамена слов “умной клавиатурой” (*ждите сутки - ждите суки*)
  - b. Неверная буква в слове (*эпидот - эпизод*)
2. Ошибки орфографические, пунктуационные:
  - a. Ошибки в написании проверяемых гласных и согласных
  - b. Ошибки в написании непроверяемых букв (словарные слова, традиционный принцип).
Зайствованные слова.
  - c. Ошибки со знаками препинания (лишние или отсутствие)
3. Ошибки грамматические
  - a. Грамматическое или синтагматическое рассогласование
  - b. "Разрушение" порядковых числительных
4. Ошибки стилистические
  - a. Нарушение стилистического единства
  - b. Использование просторечий, слов-паразитов

Рассмотрим варианты реакций на ошибки.

1. Опечатки

Автозамена слов “умной клавиатурой” (*ждите сутки - ждите суки*)

Креативные реакции бывают вызваны опечатками в репликах-стимулах:

- *Я хочу огурцы с кабачка ми с делать*

- *Вместе.*

- *У меня бабушка патроны клала. В принципе они похожи и на вкус и на консистенцию.*

- *От калаша или от ружья?*

- *Патисоны. Вот что на автозамена тупенькая.*

Адресанту очевидно, что данная ошибка-опечатка вызвана не безграмотностью адресанта, а его невнимательностью к работе искусственного интеллекта клавиатуры, который предложил автозамену слова. Коммуниканты прекрасно понимают, что была допущена опечатка, но используют ее для шутки. Невнимательность к отправленному тексту, отсутствие итоговой редактуры, очевидно, не является раздражающим фактором для появления замечаний: можно обратить внимание на пробелы в словах *кабачками* и *сделать*, которые не вызвали ответной реакции адресата. При этом автозамена *патисонов* на *патроны* показалась адресату продуктивной моделью для креативности. Обыгрывание схожих в результате ошибки слов (варианты омонимии или паронимии) порождают различные каламбуры, которые, в свою очередь, являются продуктивной моделью языковой игры как в русском дискурсе, так и порой на межязыковом уровне, как отмечают С.С. Медведев и А.Г.Фомин [Медведев, Фомин 2019] Отсюда можно сделать вывод, что креативная реакция на ошибку/опечатку последует в случае, когда сама ошибка/опечатка содержит в себе потенциал для творческой интерпретации.

Неверная буква в слове (*эпидот - эпизод*)

Ошибочный набор буквы порождает новое «слово», которое у адресата вызывает ассоциацию по звучанию с названиями элементов периодической системы Менделеева, что он и отразил в своей реплике-реакции.

В следующем примере автор допускает опечатку в слове, которая позволяет двойную интерпретацию ее высказывания (*помыла машину* или *помяла машину*, т.е. попала в аварию). Адресат выбирает ту интерпретацию, которая ему больше по душе:

- *Я машину помыла.*
- *Господи, пусть будет Б!*

В обоих случаях (как при замене слова «умной клавиатурой», так и при классических опечатках) адресат не воспринимает ситуацию как ошибку и не ставит целью исправить, но использует потенциал получившегося неверного слова для создания комического эффекта.

2. Ошибки орфографические, пунктуационные:

Ошибки в написании проверяемых гласных и согласных

Ошибочное написание местоимения *сама* в сочетании с глаголом *решиай*, который в жаргоне имеет значение «убить», позволяет адресату переосмыслить реплику-стимул, приписать ей совсем другое значение, которое визуализируется в изображении сома и ироничной ответной угрозе, где используется и проверочное слово *сам*. Смещение омофонов *сама-сома* является довольно частой ошибкой в интернете, что отражается в формировании соответствующего мема с сомом.

Другим приемом обыгрывания ошибочно написанного слова является использование омофонов, как в следующей реакции за счет омофонов слов *нагая* и *нога* в Тв.п.:

- *Шелк настолько легкий и невесомый, что позволяет почувствовать себя нём ногой.*

- *Я чувствовала себя кем угодно, но ногой еще никогда.*

Кроме того, ошибка в написании, приведшая к употреблению другого реально существующего слова, может быть актуализирована за счет использования в ответной реплике другого слова из той же тематической группы:

- *Я в химии не селен.*

- *Да ты и в русском языке не алюминий.*

Использование в реплике-стимуле лексемы *химия* в сочетании с ошибочным написанием краткой формы прилагательного *сильный*, совпавшим с названием химического элемента, позволили адресату в ответной реплике использовать название другого элемента периодической системы.

Ошибки в написании непроверяемых букв (словарные слова, традиционный принцип). Заимствованные слова.

В диалоге о кофе можно наблюдать традиционную проблему в написании слова *эспрессо*. При этом адресат развивает концепцию ошибки, соотнося *капучино* с *Купчино* (районом Санкт-Петербурга). Таким образом адресат обыгрывает ошибку в смешении паронимов *эспрессо/экспресс*, предлагая следующую пару: *Купчино/капучино*. В данном примере получает развитие паронимия как прием обыгрывания ошибки адресанта.

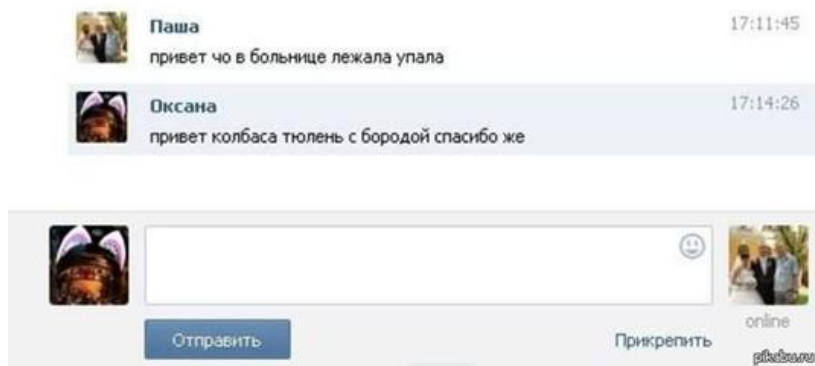
Ошибки со знаками препинания (лишние или отсутствие)

«Наивная орфография», о которой заявлено в статье [Басалаева, Ружа, Шпильман 2016], может быть, в том числе, представлена и в наивной пунктуации. Ее принципы представлены в данном контексте: запятая поставлена «на всякий случай», чтобы выделить обозначаемого субъекта (схоже с правилом выделения обращений). Реакция на ошибку реализует расхожий в интернете контекст о том, что «вот набор запятых – расставьте сами».

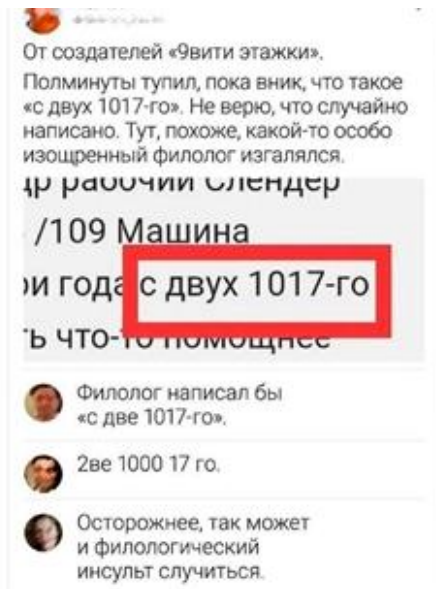
3. Ошибки грамматические

Грамматическое или синтагматическое рассогласование

Близость виртуального общения и разговорной речи отражаются в том, что появляются синтагмы, которые сложно разделить на отдельные высказывания. Отсутствие знаков препинания и, как результат, нерасчлененное высказывание разворачиваются в ответной реплике случайным набором слов, тем самым адресат реализует предложенную конструкцию диалога: набор слов, связанных между собой тематически, но рассогласованных грамматически. При этом адресат творчески перерабатывает инициальную реплику и происходит подмена: в ответной реплике слова не связаны грамматически и выглядят как случайный набор, в котором все же угадывается связь с инициальной репликой: адресат понимает интенцию инициального высказывания и, принимая его структуру как условия коммуникации, строит ответное высказывание по той же конструкции.

"Разрушение» порядковых числительных

Склонение числительных традиционно считается сложной темой в разделе “Культура речи”. Носители языка это, очевидно, чувствуют. Одновременно оказываются важными различие порядкового/количественного числительного в контексте и решение проблемы написания составных числительных: *две тысячи семнадцатый*, как в примере. В результате появляется вариант сочетания слов и цифр, что можно соотнести с идеей “кентавров”, предложенной для описания слов, состоящих из русских и латинских морфем [Крысин 2010]. Примечательны здесь реакции пользователей, один из которых иронично предположил, что это пример изощренного издевательства филолога, а другой, напротив, оценил подобное написание как способ довести филолога до инсульта.

4. Стилистические ошибки

Нарушение стилистического единства, использование просторечий, слов-паразитов

Иронической реакции подвергается и стилистически неоправданное употребление слова в ненормативном значении. Так, пользователь рекламы задает вопрос продавцам устройства

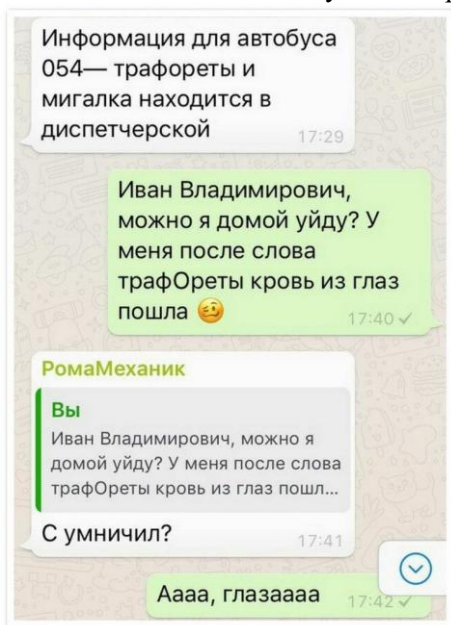
для укладки волос, используя лексему *чисто* в значении лексемы *только*:

- *Это чисто гофре? Или выпрямитель тоже?*

Ответ представителя бренда актуализирует прямое значение слова *чисто* за счет использования сравнительной степени:

- *Добрый день. Это чисто гофре. Чище не бывает.*

Официальные диалоги (общение со службой поддержки, обращение к официальным аккаунтам) предполагают правильную, грамотную речь. Появление ошибок или даже просто опечаток в данном случае воспринимается негативно:

Очевидно, что это пример рабочего чата и официальное объявление от начальства. Авторитет Ивана Владимировича, его статус начальника накладывает на него определенные обязательства по отношению к грамотности речи. Можно предположить, что такая ошибка в личном, неформальном общении могла бы не вызвать такой острой реакции.

Отметим, что различные креативные реакции на ошибки в сети вполне соотносятся с типологией приемов языковой игры в

художественном тексте, отмеченной в лингвистической литературе (см., например, [Гридина 2020]). Можно говорить лишь о различиях в частотности того или иного приема. Так, в интернет-коммуникации весьма частотным является прием подбора аналогичного примера, обыгрывание формы (очевидная иллюстрация ошибки)

 Zepesch 2 часа назад -6 ○○○
Так спирт не гнеет

 nEkToSAN 2 часа назад +11 ○○○
Как можно сделать две ошибки в слове из 5 букв?

gizmoid 2 часа назад -1 ○○○
а какая вторая?))

CmdrGREY 2 часа назад -1 ○○○
Напишите вашу версию, мне прям интересно, где там две ошибки

 WinterUnicorn 1 час назад +5 ○○○
Гниёт

CmdrGREY 1 час назад -1 ○○○
Использование Е вместо Ё не является ошибкой.

 WinterUnicorn 1 час назад +19 ○○○
Я очень надеюсь, что мы скоро
передохнем от этих снегопадов.

 Zomblee 37 минут назад ○ ○○○
давно пора

Довольно часто при этом используется прием «передразнивания», когда в реплике реакции используется то же написание, что в реплике-стимуле, как в следующем примере:

- *Как правильно говорить: позвонишь или позвонись?*

- *Позвонись.*

- *Спасибо.*

Правило произношения можно было бы маркировать выделением ударного слога, но спрашивающий этого не сделал, поэтому в ответе также ничего не выделено. В другом примере в

реплике-реакции намеренно используется форма неверно написанного слова, причем совершенно не обращается внимание на отсутствие знаков препинания:

- *Добрый вечер по поводу телефон за 9000 или за 9500 не ододите срочно куплю.*

- *Не ододю.*

Прием передразнивания позволяет адресату намеренно исказить правописание слов, так же как это ненамеренно делает его коммуникант:

- *Надо еще каво не быть*

- *Надо*

- *Каво?*

- *Кого! Серег, «кого», а не «каво»!*

- *А вас кока? Так и не понятно, всколькером?*

- ***Какрастыке ясно – ввасьмиром.***

Если на ошибки в первой реплике адресат не обращает внимания, то повторная ошибка вызывает у него реакцию в виде замечания, которое не возымело действия, и тогда в ответной реплике адресат уже сам намеренно искажает правописание, передразнивая своего собеседника.

Распространенным приемом креативной реакции можно назвать и так называемый «еврейский ответ», т.е. ответ на вопрос встречным вопросом:

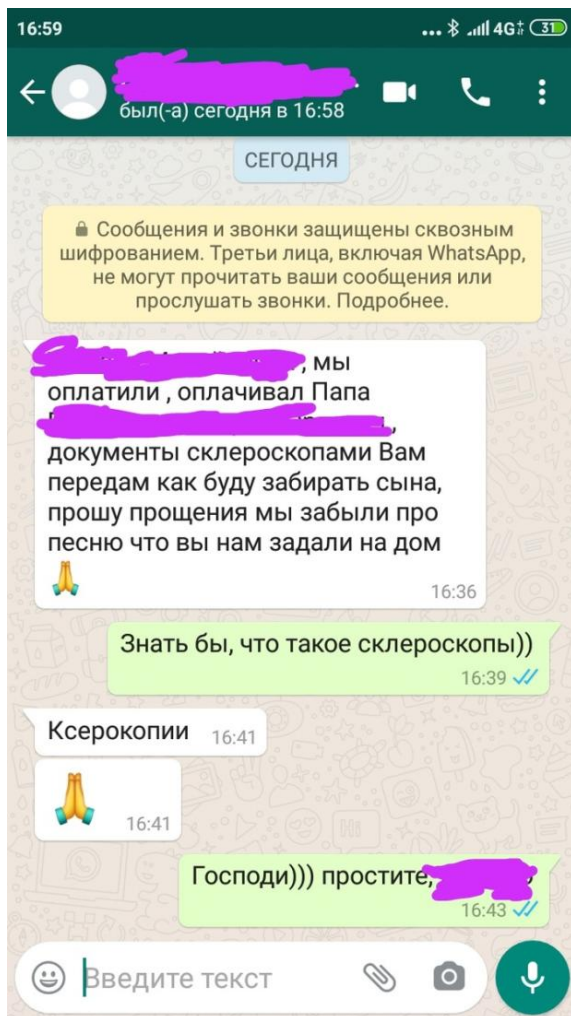
- *Почему вы пишете «кофе-брейк»? Ведь можно сказать «перерыв на кофе»?*

- *Почему вы пишете «почему вы пишете»?*

В реплике-стимуле автор выступил в качестве «борца за чистоту русского языка», противника заимствований, но сам допустил ошибку в написании глагола, на что сразу обратил внимание его адресат и задал встречный вопрос.

Но наряду с известными приемами языковой игры собранный материал позволяет выделить и приемы, не типичные для языковой игры в художественном тексте.

1. Отношение к слову с ошибкой, как к неизвестному, требующему пояснения семантики, а не исправления грамматики и/или орфографии.

2. Придание ошибке статуса самостоятельно действующего субъекта.

 Вадим
ты не интересная и скучная 😏

 Руслана
да пошел ты

 Вадим
привет О, что ты тут делаешь?

 Руслана
привет сижу в вк, а ты???

 Вадим
ну это намек на ошибку, окда?

 Руслана
ну извени сежу я не чайно

 Вадим
😏

я это заскриню!

pikebu.ru

Ошибочное написание глагола *пошел* с буквой *о* после шипящей вызывает ироничное восприятие коммуникантом этой буквы как равноправного участника коммуникации, появившегося в переписке независимо от воли адресанта, и позволяет адресату поприветствовать «нового участника» общения: *привет, О, что ты тут делаешь?* Этот пример интересен еще и тем, что адресант не понимает иронию, отвечает на вопрос, который «задан букве». А на прямое замечание, что это был намек на ошибку, отвечает репликой, в которой допущено уже три орфографические ошибки. Заметим, что однозначно интерпретировать, было это сделано из-за

безграмотности или же автор намеренно поддержал иронию коммуниканта, в данной ситуации весьма сложно.

Особо следует отметить случаи, когда адресант креативно реагирует на высказывание адресата, в котором тот прямо отмечает ошибки в реплике-стимуле, иначе говоря, проявляется креативная реакция на реакцию адресата.

- *Как дела? Что делаешь?*

Почему молчишь?

Спишь что ли?

- *Господи, я так больше не могу! Все это пишется с мягким знаком: делаешь, молчишь, спишь.*

- *Понял, не сердись, малышь.*

О том, что в последней реплике слово *малыш* написано с мягким знаком сознательно, свидетельствует улыбающийся смайлик, который сопровождает эту реплику.

Аналогично и в следующем примере:

- *Каг пишеца видишь или видишь?*

- *Видишь. Но я бы на твоём месте разобралась со словом «каг».*

- *А что не таг?*

В первой реплике ошибочно написание глагола *пишеца*, но адресат реагирует не на эту ошибку, которую, вероятно, считает допустимой, а на явную опisku в местоимении, что вызывает ироничную реакцию первого коммуниканта в виде намеренного повтора этой опisky в следующем местоимении.

Подводя итоги, заметим, что намеренное нарушение норм русского языка оказывается действенным способом борьбы с безграмотностью уже тем, что привлекается внимание к наиболее частотным и элементарным правилам русского языка. Этот способ дискредитации безграмотности воспринимается как наиболее толерантный, со сниженной категоричностью, и позволяющий указание на ошибку перевести в игровую форму. Понятно, что не все пользователи интернета способны на это. Это особый тип людей *homoludens* (человека играющего), которым свойственны рефлексивная составляющая языковой способности, ассоциативная лабильность, речевая

раскованность, развитый операциональный компонент языковой способности [Гридина 2013, с.82-83]. Языковые личности, обладающие параметрами лингвистической креативности, безусловно, имеют индивидуальные особенности, изучение которых позволило бы выявить определенные типы, что может представлять собой перспективу дальнейших исследований.

Литература

Басалаева Е.Г., Ружа О.А., Шпильман М.В. Русская орфография и пунктуация сквозь призму наивного сознания // Сибирский филологический журнал. 2016. № 3. С. 59-69.

Басалаева Е.Г., Шпильман М.В. Многоточие как объект языковой рефлексии в интернет-дискурсе // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 248- 255.

Гридина Т.А. Идиостилевые ракурсы языковой игры: гротескный мир Вагрича Бахчаняна // Лингвистика креатива-5: коллективная монография/ под общей редакцией Т.А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2020. С.14- 60.

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте. 3-е изд., исп. и доп.; ФГБОУ ВПО «УрГПУ», Екатеринбург, 2013.

Гусейнов Г.Ч. Берлога веблога. Введение в эрратическую семантику. 2005. http://speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm (дата обращения - 10.07.2023).

Кронгауз М. Самоучитель Олбанского. — М.: Corpus, 2013. — 288 с. — Фрагмент. — 5000 экз. — ISBN 978-5-17-077807-2.

Крысин Л. П. О некоторых новых типах слов в русском языке: слова-"кентавры" // Взаимодействие языка и культуры в коммуникации и тексте: сборник научных статей. – 2010. – Т. 1, № 1. – С. 195-199.

Медведев С. С., Фомин А. Г. К вопросу о статусе межъязыкового каламбура // Сибирский филологический журнал. – 2019. – № 3. – С. 234-243. – DOI 10.17223/18137083/68/21.

Норман Б.Ю. Аграмматические тексты и их место среди продуктов речевой деятельности// VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. 2023. №2(7). С. 66-77. DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-66-77

Шмелев А. Д. Кодификация русской орфографии и написание собственных имен людей с прописной буквы - есть ли проблема? // Русская речь. – 2020. – № 4. – С. 42-53. – DOI 10.31857/S013161170010734-6.

©Стексова Т.И., 2023

©Крылов Ю.В., 2023